George CHERON (Los Angeles)

НЕИЗВЕСТНЫЕ ТЕКСТЫ М.А.КУЗМИНА[1]

Сообщаемые ниже тексты, укрывшиеся от внимания исследователей, проливают новый свет на поэтическую эволюцию Кузмина и служат ценными документами динамики отношения поэта к послереволюционной действительности. Печатаются они по автографам, хранящимся в частном архиве в Ленинграде. Стихотворный цикл "Плен" был неоднократно анонсирован (в книге Кузмина *Вожатый*, 1919, в *Александрийских песнях* 1919 и 1921, а также в апрельском номере берлинского журнала *Русская Книга* за 1921 г.). Он во многом перекликается с хорошо известными вещами поэта (см. *Лесок*, 1922,и сборник *Параболы*, 1923). Что касается рассказа "Пять разговоров и один случай", то его следует, очевидно, рассматривать в контексте тенденций, сблизивших прозу Кузмина с творчеством обэриутов.[2]

П р и м е ч а н и я

1. Мы считаем долгом выразить искреннюю признательность Ольге Николаевне Арбениной (Гильдебрандт), 1899-1980, во время нашего пребывания в Ленинграде всемеро содействовавшей в разысканиях о Кузмине.
2. См. наблюдение Джона Мальмстада в его образцовой биографической статье о М.Кузмине - в кн.: М.А.КУЗМИН, *Собрание стихов*, Том III, Hg. von John Malmstad und Vladimir Markov, München 1977, 292. См. также: G.CHERON, "Mixail Kuzmin and the Oberiuty: An Overview", in: *Wiener Slawistischer Almanch*, 12 (1983), 87-101.

ПЛЕН (1919)

АНГЕЛ БЛАГОВЕСТВУЮЩИЙ

Прежде
Мление сладкое,
Лихорадка барабанной дроби, -
Зрачок расширенный,
Залетавшегося аэроплана дыханье,
Когда вихревые складки
В радужной одежде
Вращались перед изумленным оком
(Велориэцы при Иисусовом гробе
Вещают: "Кого ищете?"
А мироносицы в радостном страхе обе
Стоят уже не нищие)
И в розово-огненном ветре
Еле
Видны, как в нежном кровь теле,
Крылья летящей победы,
Лукá, брошенная отрочьим боком,
Неведомого еще Ганимеда
И орла,
Похитителя и похищаемого вместе
(Тепло разливается молочно по жилам немой невесте)
И не голос, -
Тончайшей златопыли эфир,
Равный стенобитным силам,
Протрепещет в сердце: вперед!
"Зри, мир!
Черед
Близится
С якоря
Взвиться
Летучим воображения кораблям.
Сев
Пахаря,
Взлетев,
Дождится
Нездешним полям."
Иезекиилево колесо
Его лицо!
Иезекиилево колесо -
Благовестие!
Вращаясь, все соединяет
И лица все напоминает,
Хотя и видится око
Всегда одно.
Тут и родные, милые черты,
Что носишь ты,
И беглый взгляд едущей в Царское дамы,
И лик Антиноя,
И другое,
Что, быть может, глядит из Эрмитажной рамы, -
Все, где спит
Тайны шелест,

Где прелесть
Таинственного, милого искусства
Жива...

Крутится искряной розой Адонисова бока,
Высокого вестник рока,
Расплавленного вестник чувства,
Гавриил.

Твои свиданья, вдохновенье,
Златисты и легки они,
Но благовестное виденье
Прилежные исполнит дни.

Рускою радостной завеса
Отдернута с твоей души...
Психея, мотылек без веса,
В звенящей слушает тиши.

Боже, двух жизней мало,
Чтобы все исполнить,
Двух, трех, четырех.
Какую вспахать пашню,
Какую собрать жатву.
Но это радостно, а не страшно...
Только бы положить начало,
Только бы Бог сберег!

Бац!
По морде смазали грязной тряпкой,
Отняли хлеб, свет, тепло, мясо,
Молоко, мыло, бумагу, книги,
Одежду, сапоги, одеяло, масло,
Керосин, свечи, соль, сахар,
Табак, спички, кашу, -
Все
И сказали:
"Живи и будь свободен!"
Бац!
Заперли в клетку, в казармы,
В богадельню, в сумасшедший дом,
Тоску и ненависть посеяв...
Не твой ли идеал осуществляется, Аракчеев?
"Живи и будь свободен!"
Бац!

Плитой придавили грудь
Самый воздух сделался другим,
Чем бывало,
Чем в хорошие дни...
Когда мир рвотой томим,
Во рту, в голове перегарная муть,
Тусклы фонарей огни,
С неба, с земли грязь,
И мразь,
Слякоть,
Хочется бить кого-то и плакать, -
Тогда может присниться такое правленье,
Но разве возможно оно,
В чуть сносный день,
При малейшем солнце,

При легчайшем ветерке с моря,
Несущем весну?

Затоптанные
Даже не сапогами,
Не лаптями,
А краденными с чужой ноги ботинками,
Живем свободные,
Дрожим у нетопленной печи,
(Вдохновенье).
Ходим впотьмах к таким же дрожащим друзьям.
Их так мало, -
Едим отбросы, жадно косясь на чужой кусок.
Туп ум,
Не слышит уже ударов.
Нет ни битв, ни пожаров.
Подлые выстрелы,
Серая ненависть,
Тяжкая жизнь подпольная
Червей нерожденных.
Разве и вправду
Навоз мы,
Как говорит навозная куча
(Даже выдохшаяся, простывшая)
Нас завалившая?
Нет.
Задавленные, испуганные,
Растерянные, может быть, подлые, -
Но мы - люди
И потому, это - только сон
(Боже, двухлетний сон).
Потому не навек
Отлетел от меня
Ангел благовествующий.
Жду его,
Думая о чуде.
Я человек
И в каждом солнце:
Великопостно русском,
Мартовской розою кроющем
Купола и купеческие дóмы;
Итальянском рукодельном солнце,
Разделяющем, как Челлини,
Ветку от ветки,
Жилку от жилки;
Парижском, грязном, заплаканном солнце;
Ванильном солнце Александрии,
Среди лиловых туманов
И песков марева
Антично маячащем;
В ветренном, ветренном
Солнце Нью Йорка,
Будто глядит на постройки,
На рабочих
Молодая мильярдерша хозяйка;
В зимнем, онегинском солнце,
Что косо било
В стекла "Альбера",

И острое жало
Вина и любви
Ломалось в луче
(Помните?);
И в том небывалом,
Немного в Чикаго сделанном,
Что гуляет на твоих страницах,
В высоких дамских сапожках
То по литовским полям,
То по Американским улицам,
То по утренним, подозрительным комнатам;
То по серым китайским глазам,
Капризом, зеленом,
Лукавом, иногда вверх ногами.
(И Рейнвейн не прольется?)
Солнце, -
Я вижу,
Что вернется
Крылатый блеск,
И голос, и трепет
И снова трех жизней окажется мало
И сладким отчаяньем замрет сердце,
А ангел твердит: "Пора!
Срок твой не так уж долог!
Спеши, спеши!
Разве не радостен скрип пера
В заревой тиши,
Как уколы винных иголок!"

И сок пройдет,
И мир придет.
Перекрестись, протри глаза!
Как воздух чист,
Как зелен лист,
Хотя была и не гроза!

Снова небо голубыми обоями оклеено,
Снова поют петухи,
Снова можно откупорить вино с Рейна,
И не за триста рублей купить духи.
И не знать, что делать:
Писать,
Гулять,
Любить,
Покупать,
Пить,
Просто смотреть,
Дышать
И жить, жить!

Тогда свободно, безо всякого груза,
Сладко свяжем узел,
И свободно (понимаете: свободно) пойдем
В горячие, содержимые частным лицом
Свободным,
Наживающим двести тысяч в год
(Тогда это будут огромные деньги)
Бани.

Словом довольно гадким
Стихи кончаю я,

Подвергался стольким нападкам
За это слово я.
Не смею прекословить.
Не ловок, может быть, я,
Но это было давно ведь,
С тех пор изменился я.
В этом убедится всякий беспристрастный читатель,
При том есть английское (на французском языке) motto,
Которое можно видеть
На любом портсигаре, подвязках и мыле:
"Honny soit qui mal y pense".

ВСТРЕЧНЫМ ГЛАЗАМ

Ветер широкий, рей.
Сети высоких рей,
Гаризонты зеленых морей,
Расплав заревых янтарей, -
Всем наивно богаты,
Щурясь зорко,
Сероватые глаза,
Словно приклеенные у стены средь плакатов
"Тайны Нью Йорка"
И "Mamzelle Zaza".
Шотландский юнга Тристана
Плачет, хроматическими нотами,
А рейд, рейд, рано
Разукрашен разноцветными ботами!
Помните, май был бешен,
Балконы с дамами почти по-крымски грубы,
Темный сок сладких черешен
Окрашивал ваши губы,
И думалось: кто-то, кто-то
В этом городе будет повешен.
Теперь такая же погода,
И вы еще моложе и краше,
Но где желание наше?
Хоть бы свисток парохода.
Хоть бы ветром подуло,
Зарябив засосную лужу.
Все туже, все туже
Серым узлом затянуло.
Неужели эти глаза - мимоходом,
Только обман плаката?
Неужели навсегда далека ты,
Былая, золотая свобода?
Неужели якорь песком засосало,
И вечно будем сидеть в пустом Петрограде,
Читать каждый день новые декреты,
Ждать, как старые девы,
(Бедные узники!)
Когда придут то белогвардейцы, то союзники,
То Сибирский адмирал Колчак.
Неужели так?
Дни веселые, где вы?
Милая жизнь, где ты?
Ветер, широко взрей!
Хоть на миг, хоть раз,

Как этот взгляд прохожих,
Морских, беловатых глаз!

РАЗЛИВЫ

Подняв со дна всю гниль и грязь,
Уж будто нехотя ярясь,
Автоматически бурливы,
Шумят, шумящи и желты,
В воронку черной пустоты
Всем надоевшие разливы.

Вдруг жирно выплюнет нырок
То падаль, то коровий рог,
Иконной полки бухлый угол.
Туземец медленным багром
На мели правит свой паром.
Тупее огородных пугал.
Проснись, пловец, утешься, глянь:
Не все в воде и небе - дрянь,
Не все лишь ветошь разоренья.
Как разучившийся читать,
Приготовишкой в школу сядь
Слагать забытые моленья.

Простой разломанный предмет
Тебе напомнит ряд примет
Неистребимой, милой жизни.
И ужаснет тебя провал,
Что сам ты дико запевал
Бессмысленной начало тризны.

И смутно, жадно, глух и слеп,
Почуешь теплый белый хлеб,
В село дорогу, мелкий ельник,
И вспомнишь санок легкий бег
И то, что всякий человек
Очищен в чистый понедельник.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Теплый настанет денек,
Встретим его, словно дар мы.
Не поминай про паек
И про морские казармы.

Все это сон, только сон.
Кончишь "Туман за решеткой",
Снова откроем балкон
И почитаем с охоткой.

Будем палимы опять
Легким пленительным жаром,
Пустимся снова гулять
К нашим друзьям антикварам.

Резво взлимонит рейнвейн,
Пар над ризотто взовьется.
"Schlafe, mein Prinzchen, schlaf ein!"
Как у Моцарта поется.

ПЯТЬ РАЗГОВОРОВ И ОДИН СЛУЧАЙ

Начало случая

Приезжий не знал, что его везут на улицу Смычки. Не знал этого и извозчик, чувствуя, что Смычкой скорее могут называться или отравляющие воздух папиросы, или младенцы женского пола, не свыше пятилетнего возраста, хотя и этих последних их толстомордые матери и сознательные отцы предпочитали называть Феями, Мадоннами и Нинель. Как бы то ни было, Виталий Нилыч Полухлебов был доставлен до места назначения. В заставленной шкапами и вешалками передней, он снял котелок и голова его оказалась необыкновенно похожей на ночную посуду без ручки. Сестра его не обращая внимания на невинную неприятность его наружности повела его в столовую, где уже кончали утренний кофей ее взрослые дети Павел и Соня. Багаж с наклейкой "Берлин" снесли в боковую комнату, назначенную для гостя. Приезжий говорил тихо и правильно, подбирая точные выражения, как иностранец, был почтено вежлив и растерян.

Впечатление тихого и какого-то домашнего неприличия, повидимому чувствовалось и домашними, так как иногда среди разговора они умолкали, тупились и краснели. Только Виталий Нилыч безоблачно журчал, не моргал и избегал менять выражение невыразительного лица. Он был хорошо вымыт и одет опрятно. В комнате было ужасно много мебели, будто ее снесли из трех квартир и голоса не разносились

§2. Первый разговор о мебели.

в пространстве, а падали обратно, так что все говорили вполголоса. Впрочем Полухлебов говорил тихо. В большой гостиной стиля Людовика XVI - 80-х годов, камни, зеркала, рояль, портьеры, горки, бра, картины, ковры, пуфы, шелк, бронза, даже книги в переплетах Шнеля и Мейера. Светлый вечер, окна открыты. Красный дом напротив еще освещен. Виталий Нилыч, сестра его Анна Ниловна Конькова, ее дети, Павел Антоныч и Софья Антоновна. Возраст: 45, 50, 25 и 28. Старший брат и сестра говорят вполголоса. Младшие вообще молчат. Молодой человек покурил, покурил и ушел. Соня перебирает ноты у рояля, будто ей смертельно скучно. Пыль везде вытерта, но кажется, что все покрыто пылью, даже плешь Полухлебова.

В.Н. Меня одно удивляет, хотя удивление вообще свидетельствует о некотором несовершенстве нашего мозгового аппарата. Так вот, маня удивляет несоответствие того, что я здесь нашел с тем, что я ожидал встретить.

А.Н. Я тебе не раз писала о наших делах.

В.Н. Ну да, ну да, я по твоим письмам и судил, не о газетным же известиям. И я ожидал вовсем другое.

А.Н. Всего не напишешь, не передашь.

В.Н. Совершенно верно. Но я удивлен, я был бы потрясен, если бы не человеком тренированным.

А.Н. Что же тебя так потрясает, если это не секрет?

В.Н. Наоборот, я хочу разобраться в этом. Я колебался между ужасом и блестящей судьбою с нашей, ну понимаешь нашей точки зрения. Я не нахожу ни того, ни другого, но заменена точка зрения.

А.Н. Объяснись.

В.Н. Вы не в блестящем и, конечно не в ужасном положении, но в непонятном. У вас роскошная обстановка.

А.Н. Она не наша.

В.Н. Я вижу. В этом то и дело. Чья же она?

А.Н. Я уже не помню. Марголиных каких-то... прежних владельцев?

В.Н. Но вы ею пользуетесь?

А.Н. Очевидно. Теперь она считается нашей.

В.Н. Ты говоришь "считается". Кем?

А.Н. "Совхозом", "Жилтовариществом", "Домуправом", всеми учреждениями.

В.Н. Ну, этих новых слов я не понимаю. А вами? тобою?

А.Н. В конце концов и нами.

В.Н. Но ведь она не ваша. Ты ее не купила и не получила в наследство. (Соня совсем увяла за своими нотами и через секунду уйдет).

В.Н. И тебе не противно жить в чужих вещах?

А.Н. Живут же люди в гостиницах.

В.Н. Там безлично, для всех,а тут есть остаток, флюиды этих Марголиных, ну, прежних-то.

А.Н. Конечно, ты прав, Виталий. Может быть и мне было противно, особенно, когда я нашла в шкапу связку их писем... Потом привыкла. Что ты хочешь?

В.Н. Ты сама не замечаешь, как делаешься коммунисткой.

А.Н. Какое! Мы на примете, нас не сегодня, завтра посадят. (Конькова закрывает окна, опускает шторы и говорит о другом).

Знаешь, кто на время уезжает за границу и трется среди эмигрантов, все "советизируются", а у нас наоборот. Я думаю, самые злостные контрреволюционеры те, которые вначале сочувствовали революции. Это происходит от идеализма... не очень умного по моему, как всякий идеализм.

В.Н. А ты не идеалистка?

А.Н. Не знаю. Я меня нет времени. Живу изо дня в день.

В.Н. Политика страуса?

А.Н. Не знаю. Иначе нельзя.

В.Н. А дети? Мы с тобою уже старики.

А.Н. Вероятно, так же. Может быть, у них есть личные интересы.

В.Н. "Я годы проходят, все лучшие годы".

А.Н. Для нас то с тобою уже не лучшие.

В.Н. Это так сказать. "Лучшие годы" не для всех совпадают с одним и тем же возрастом.

А.Н. Да. В детстве я думала всегда, что лучший год это будущий. (Гость долго ходит по ковру не двигая головой, и ужасно белый, как фаянс. На лбу отражение люстры).

В.Н. А ты чем занимаешься?

А.Н. Я - доктор в лечебнице.

В.Н. Ты же никогда не была и не имела наклонности к этому.

А.Н. Ну что же делать! Соня заведует хозяйством в детском доме. Павел в пролеткульте.

В.Н. Павлушка то не забросил писанья?

А.Н. (неохотно) Нет, для себя пишет.

В.Н. Вы все занимаетесь не своим делом. Ты не сердись, но это так.

А.Н. А какое же наше дело?

Телефон. Хозяйка уходит, возвращается нахмуренная

В.Н. Что-нибудь неприятное?

А.Н. Павлу звонил его товарищ.

В.Н. Ну, а в этом отношении он хоть занимается своим делом.

Анна Николаевна подняла брови

§3. Не относящееся к случаю.

На тетрадке красными чернилами разведено: "неприкосновенные мальчики", но это не список целомудренных молодых людей, а далеко не целомудренная повесть. Да и как понимать целомудрие? Рука автора рядом с рукой соседа. Рукавчики от совершенно одинаковых (белые с синими полосками) рубашек отличаются только запонками. У одного голубые с серым, у другого желтые с черным. Только потому, что руки лежат ужасно близко, их нельзя принять за руки одного и того же человека до того они похожи. Музыкант вертит скрипкой, задом, головой, глазами, всем, что у него есть круглого, так что кажется, что мотивы "Сильвы" - результат морской болезни или карусели. Народу мало. От чужой коленки идет тепло, и это приятно, так как преднамеренность очевидна и обоюдна. Потертые костюмчики скрадываются молодостью и не плохой фигурой обоих. Вино, хотя и русское, имитирует название и форму немецких бутылок. Серая кошка тоскливо бродила между столов и терлась беременным боком обо все встречаемые предметы.

- Что ты на меня так смотришь?

Собеседник не отвечал, только улыбнулся, а автор "непр. маль." вспомнил, так, что покраснел даже коротковатый нос. Чтобы переменить тему, он же: Все таки похоронно как то в этом зале. На крыше - лучше. - Лучше пить Рислинг здесь, чем пиво на крыше. Ты же знаешь, сколько у меня денег. Да и потом хотя там публика и сволочная, неловко как то появляться такими обтрепанными... В конце концов, конечно, это глупости...

Павел Антоныч чокнулся и замечтался. Краска, залившая его лицо так и не сходила.

- Погоди, Витя, скоро мы будем пить настоящий Рейн... Только надежны ли эти Клотцы.

Другой пожал плечами. Музыкант, закутавшись поверх пиджака в огромный лиловый шарф, проходя стрельнул глазом на плохое мороженое. Коленкам стало еще теплее.

- Все предупреждены и подготовлены. Опасен только один момент. Но иначе никак нельзя.

Коньков посмотрел выразительно, пожал руку, лежавшую рядом и чокнулся. Через минуту, будто они заслушались "красотки кабаре".

- Меня скорее беспокоят деньги. Не там, а с собою на первые дни.

- Да, это конечно.

Еще через минуту прямо и с напускным цинизмом от смущения.

- Роза не могла бы дать?

Павел Ант. не покраснел, так как не мог уже больше краснеть. Но был повидимому подавлен.

- Это было бы ужасно неловко.

- Не стоит говорить об этом.

Вдруг легко и весело, чтобы вытащить своего друга из пучины расстройства:

- Ну, за дружбу, как штурмдрангисты, за Германию, за Италию, за искусство. Знаешь, когда долго смотришь на вино...

§4. 2-й разговор о Фоме.

Столовая Коньковых. Анна Ниловна с братом и Соня. Павел теперь всегда пропадает и на него махнули рукой. Софья Антоновна только что сообщила новость. Мать, будто ива, спаленная громом. Виталий Нилыч методически и скорбно кивает головой как китайский болванчик, но продолжает сохранять загадочную респектабельность. Он продолжает разговор, и даже обращается иногда за сочувствием к вестре, как к элегическому пейзажу.

В.Н. Как же его зовут?

С.А. Фома Хованько.

В.Н. И ему всего 14 лет?

С.А. По бумагам да.

В.Н. Но как же он попал в дефективный дом и там благотворная среда мало на него воздействовала, так что его пребывание там оказалось не совсем удобным.

С.А. Он очень одаренная натура.

В.Н. Из чего ты заключаешь?

С.А. Как он рисует, как учится, как говорит.

В.Н. Я думаю, ты преувеличиваешь. Конечно, он ребенок развитой, даже самый этот печальный случай, из за которого его приходится брать из дома доказывает преждевременное развитие.

У Сони видна досада. В.Н. слабо и издалека улыбается, улыбка до поверхности не доходит, но намечается пошловатой, хотя лицо от этого живеет. Наконец говорит как балагур в гостиной.

В.Н. Я понимаю что он способный ребенок, но зачем же лишать невинности малолетних. Может быть, он и других там насиловал.

С.А. Может быть. Пожаловались только две.

В.Н. Это ничего не доказывает. Как же ты себе это объясняешь?

С.А. Ложно направленный инстинкт.

В.Н. Да... Собственно, почему, ложно, я не совсем понимаю. Куда же бы ты его направила?

Анна Ниловна волнуется и перекладывает дребезжащие вилки с места на место.

В.Н. Я что-нибудь не то говорю? касаюсь больных мест? Я ведь не в курсе ваших дел.

С.А. Какие глупости, дядя! Какие там больные места! Я живо заинтересовалась этим мальчиком и мне будет интересно посмотреть, что из него можно сделать личной инициативой и работой.

В.Н. Да, да, да. Мне и самому это крайне интересно. Но зачем же его брать в дом?

С.А. Иначе никак не выйдет.

В.Н. Конечно тебе виднее.

Ан.Ниловна окончательно разроняла все вилки, так что дочь насупилась, а В.Н. для контенансу стал напевать: "Красотки, красотки, красотки кабаре", чем навел еще большую панику на окружающих.

§5. Продолжение случая.

Виталий Нилыч Полухлебов не занимая покуда никакого места и не имея собственного дела, целыми днями или гулял, или раскладывал пасьянсы. Всему удивлялся. Более всего его удивляло:

1. Совершенная непонятность с точки зрения любого языка всех названий и вывесок.

2. Обилие голых людей на улицах.

3. Бездарность телосложения.

4. Полное равнодушие публики к обнаженному телу, которое приезжий на первых порах склонен был рассматривать как клубничку.

5. Необычайное количество запретов и регламентаций. и т. д. и т.д.

Сначала он начал составлять список своих удивлений, но потом бросил.

Талантливый ребенок Фома Хованько не внес большой перемены в жизнь Коньковых, хотя когда все расходились по службам и Фома с В.Н. оставались одни, но Поляхлебову не удалось настолько разговориться с мрачным растлителем, чтобы это показалось интересно. У дефектива было наглядное несоответствие между квадратным низким лбом, сильными челюстями, тупым подбородком, и густыми, жесткими как конские, черными волосами и необыкновенно нежным румяным ртом и по восточному сладкими большими глазами. Приземист и широкоплеч. Может быть он был бы сквернословцем, если бы менее дичился. Двигался он бесшумно, но тяжеловесно, как кит под водою. В первый же день он вдребезги разбил чашку, о которой любил философствовать Виталий Нилыч как о некоей эмблеме. С одной стороны был портрет императрицы Жозефины, с другой барабанщик, сидящий на своем инструменте и набивающий табаком трубку. Соединялись эти изображения символами и атрибутами военного деспотизма и писарской галантности. Даже разбил эту чашу тов. Хованько бесшумно, но в мелкие осколки, которые куда то мрачно и замел. Сони при этом не было. Анна Ниловна вздрогнула и побледнела, а брат ее начал было качать головой, приготовляясь что-то сделать, но был прерван письмом от Виктора Андреевича Малинина, где говорилось,чтобы дома не беспокоились долгим отсутствием Павля и не предпринимали никаких розысков.

§6. 3-й разговор о разогретом

Когда при рассказах о Клавдии Кузьмиче в присутствии В.Н. доходили до эпизода, считавшегося высшей точкой, всем становилось неловко, кроме Полухлебова. Дело в том, что во времена голода и холода, Клавдий Кузьмич по утрам должен был разогревать свой ночной горшок с содержимым на той же печурке, где варил себе кашицу и нести его с пятого этажа на двор. А Клавдий Кузьмич был человеком уважаемым и профессором. Доведя героя до этого последнего испытания, все взглядывали на голову Виталия Нилыча и умолкали, а тот начинал обобщать факты. Чаще всего собеседником его была Анна Ниловна. Полухлебов не стараясь придать значительности роковой своей наружности, говорил как дипломат.

В.Н. Не надо увлекаться героизацией.

А.Н. Но это и в самом деле ужасно. Ты не испытал на себе этих лет и не можешь судить. Люди были жалки, противны, смешны,

если хочешь, но если со стороны, конечно они были героями.

В.Н. Я не перестану повторять, что русская интеллигенция вела себя позорно, позорно.

А.Н. Очень ответственно так говорить. И потом проделывать вот такие скаредные и комические вещи м.б. труднее, чем встать к стенке, тем более, что добровольно на смерть никто не шел.

В.Н. Но все таки дело шло о жизни.

А.Н. В то время у нас переменилось все мерки, исчез весь стыд и общество, условности, остались примитивнейшие потребности, очень простые м.б. не всегда благовидные в другое время. Я не знаю. Теперь опять понемногу все чувства возвращаются, но не знаю во всей ли полноте. Все это исчезло навсегда. Посмотрел бы ты, как мы тогда одевались! Прямо Наполеоновская армия в 1812 году, у того же Клавдия Кузьмича (уж и костюм) костюм был сшит из диванной материи с яркими розами. Очки, мягкая шляпа, валенки и откуда то реставрированный плед.

В.Н. потрясен более чем случаем с разогретым горшком, но не хочет сдаваться, думая о Шарлоттенбурге, где такие пассажи как будто немыслимы. Это его успокаивает.

§7. Не относящееся к случаю.

Соня зашла в узенькую каморку Фомы, чтобы спросить его, почему он оставляет мыло на мокром умывальнике. День был серый и понедельник. Мальчишка в ответ больно схватил ее за грудь. С.А. знала, что в квартире никого нет и как-то очень быстро сообразила что с Фомой пожалуй ничего не поделаешь. Нахмурившись и подделываясь под его язык, она крикнула:

- Брось хвататься!

Но Фома не выпуская груди, плотно налег на нее, причем Соня почувствовала что он развит не по летам. Он начал сопеть и тормошиться, другой рукой отыскивая крючки и пуговицы.

- Чего тебе там надо?

- Что же через платье, что ли?

Чтобы не показаться смешной, она сама спустила юбки и отбросила их ногою. Они показались ей ужасно жалкими и не приличными. Фома все сопел. Ему неудобно было действовать

одной рукой, другая как клещ впилась в груди, как то в обе зараз.

С.А. не испытывала никакого эротизма, но разглядывая близко сладкий рот и нахмуренный лоб Фомы, она вдруг прижалась к мальчику. Часы пробили два.

Она думала, что вот он сейчас будет изображать мужчину. Тот действительно встал, оправился и закурил. Инстунктивно С.А. воскликнула:

- Это еще что!Брось папиросу сейчас же.

Хотя она была в одних кальсонах, Фома послушался. Но одеваясь она еще строже заметила:

- Завтра в десять диктоваться будем.

Неизвестно, что мальчик подумал, только он улыбнулся и проговорил не без фатовства:

- Полтинник дадите, так буду диктоваться.
- Пошел вон. Видишь, я не одета.

Это уже совсем привело Фомку в хорошее настроение.

§8. 4-й разговор об идеях.

Неизвестно, чья комната. Просторно и светло. Голоса перебивают друг друга все об одном, получается вроде монолога. Слух Полухлебова м.б. невидимо присутствует.

- Всему свой час.
- Идеи бесплодны. Оплодотворить их можно только эмоцией. Или поддерживать административно.

Мы пережили все этапы. Обреченное бесплодие социализма; эмоциональность солдатских лиц при вести об окончании войны. Эмоционализм героизма и Айседоры Дункан. Отупение реакций, потеря минутных чувств и прежних устоев. Недостаток новый и административное подогревание (даже не восторг).

Дух В.Н. думает о случае с Клавдием Кузьмичем.

Фиксирование переходного состояния

Тупик. Даже не ужас. Обесдушенье и полная бездарность, утверждение бездарности и духовного невежества. Никто не верит. Судьба - быть изблеванным жизнью и природой.

Голоса разом смолкают и раздается музыка, тоже светлая и просторная. В.Н. в поисках рациональных объяснений, думает, что он видит сон. Сну же позволительно быть и нелепым.

§9. Не относящееся к делу.

Роза Шнееблюм сегодня по особенному собиралась слушать радио. Она целый день волновалась, получив утром через

таинственного посла странную посылку: две разные запонки: голубую с серым и желтую с черным. Роза придала этому значение сигнала. Ходила, напевала, оживленно щебетала в телефон, побрякивая запонками в руке. Пересидела папу и маму. Оделась элегантно в парижское черное платье с розовыми полосками из лакированное кожи, переждала глупейшие частушки с Песочной, от которых никак не отвязаться, визги и стоны атмосферического пространства, вопли телеграмм, московские балалайки, газеты, лондонские баллады. Наконец, настала теплая тишина. Все спят. Роза прошла в свою комнату, принесла вымытую морковку и стакан с водою, уселась комфортно на мягком диване. Тихо и рождественски поют фокстроты, словно благожелательные лилипуты. Погладила морковку, поцеловала запонки, перевела на Берлин. Пойте, пойте, м.б. звук аплодисментов заглушает их голоса. Вспоминает ли ее, ее деньги, по крайней мере? Глаза Розы подернулись влагой, морковки не видно. Еще, еще! скоро музыка прекратится, Левой рукой берет она стакан, секунду смотрит на него, пьет и устраивается поудобнее на диване, не снимая с ушей трубок. Пойте, пойте, пока я не сплю. Какой розовый свет от лампочки!

Ида Марковна вскрикнула не своим голосом дотронувшись до холодной руки Розы. Доктора исследовали остатки жидкости в стакане, ломали голову над происхождением двух разных запонок, но о существовании морковки никто даже не предполаг.

§10. Конец случая.

В.Н.никак не мог перестать удивляться. Не будучи в состоянии никуда себя пристроишь, он изнывал и стал поговаривать об отъезде.

С.А. последнее время заметно оживилась. Она будто не смотрела в будущее. Положим, она и раньше в него не заглядывала, а то пожалуй повесилась бы. Теперь она не повесилась бы, но если бы рассудила логически о своей судьбе, м.б. утопилась бы. К счастью она освободилась от логики. Фома перестал оставлять мыло на мокром умывальнике,каждый день диктовался и даже дал доказательство русского гения и изобретательности. Он целиком склеил разбитую им чашку. Соня с торжеством вынесла

ее в столовую и поставила перед В.Н. Тот первый обратил внимание на особенность работы Хованько. Дело в том, что составляя в точности прежнюю сторону чашки, Фома так склеил куски, что барабанщик оказался сидящим на бюсте Жозефины. У императрицы вместо головы торчал барабан, а лицо ее пропало бесследно. Все переглянулись.

- Но это еще труднее было сделать, не нарушая фасона - защищала С.А. своего ученика.

- Да, но это нелепо и безобразно, как ты этого не понимаешь? И так во всем. Это же доказательство. Вообще я очень рад, что завтра еду. Я вам не ко двору, а если б и пристроился куда нибудь, так это было бы вроде барабана вместо головы императрицы. Или вы все с ума сошли, или я сумасшедший. Я чувствую себя самым глупым образом, как какая нибудь пария или идиот, или еще хуже... я уж не знаю, с чем сравнить как какой-нибудь... Тургенев.

- Это уже прогресс! - заметила Соня, но Полухлебов замахал на нее руками.

Ноябрь 1925 г.